

в главном герое романа Жене Барковце каждый из нас узнает себя: мы все «распилиши» — нас мучают наши страхи, проблемы, нас ломает неизвестность. Нам хочется жить и дышать, переживать Океан и видеть мир большим и целым.

Анна ЛУНИНА

ЗНАМЕНОСЦЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Брейнингер О. А. В Советском Союзе не было аддерола: [роман, рассказы]. — М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 349, [3] с.

Большинство произведений, вошедших в лонг-листы литературных премий 2017 года, обращаются к прошлому. А Ольга Брейнингер в своем дебютном романе пытается показать человека, за которым будущее. Уже поэтому кажется, что эта книга — настоящее событие. К названию серии, в которой она вышла — «роман поколения», — можно добавить еще одно жанровое определение: «роман-манифест». «Мы — не прежние поколения, которые жаловались на все подряд и ничего не делали. Мы — это дети глобализации с острыми зубами. Вам есть чем ответить?»

Жизненный багаж героини Брейнингер оказывается ненужным — и остается позади. «Потому что нужно потерять абсолютно все и даже надежду на это, потому что нужно перестать испытывать привязанность, любовь, тоску или страх. Потому что тебя уже ничего не испугает. Потому что ты сама отказалась от того, что могло быть, — из страха, что и это не сможет тебя согреть и заставить почувствовать себя дома». Никто не скажет, что это благотворно для личности, но ей принадлежит будущее как более решительной и неуязвимой.

Действие романа происходит в последний день загадочного эксперимента (разрабатывается «программа нейроконфликтного программирования»), который должен выработать у подопытной сверхинтеллект, сведя к минимуму эмоциональную восприимчивость. Однако большую часть текста занимают экскурсы в прошлое. Здесь кроется парадокс, заставляющий пристальнее присмотреться к повествованию: девушка, которая утверждает за собой право решать судьбу мира, постоянно обращается к прошлому. Но вряд ли можно сказать, что она им живет. Дело в другом: ее воспоминания должны объяснить, как она стала тем, чем стала, «сплавом конфликтных жизненных экспериэнсов», идеально подходящим для новой переплавки.

Названия трех частей романа отмечают флажками на карте мира страны, где героине довелось жить, а заодно задают модус восприятия: например, «Современные концентрационные лагеря для эмигрантов в Германии, или Как закалялась советская сталь в Оксфорде» — звучит весьма красноречиво. Это в каком-то смысле еще и роман воспитания: приходится учиться жить там, где всем чужая, учиться другому мышлению, учиться адаптироваться и быть самодостаточной.

В развитии сюжета самая слабая глава — та, где героиня не вышла замуж за прекрасного чеченского принца: слишком иллюстративно доказывает ее неспособность к счастью, хотя при этом содержит меткие наблюдения о жизни в традиционном обществе. Остальные фрагменты хороши сами по себе, вне конструктивной функции. Девочке из Караганды хочется знать, можно ли убиться машинкой для резки лапши? Девушка в шелковом платье учится сводить дорожки за диджейским пультом. Чистилище интеграционного лагеря в Германии позволит ей узнать, как чувствуют себя люди пятого сорта, выпросившие взаимы не свою жизнь. В Оксфорде она пытается снять творческий кризис виски, еще не зная про аддерол, и в первый раз в жиз-

ни пьет — «за маму, за папу и за диссертацию». В Чечне она готовится к собственной свадьбе (словно к чужой) и присматривается к чеченским девушкам, скованным бесчисленными «constraints»¹ и сохранившим нежность и трепетность, в то время как в «новом мире», которому принадлежит героиня, «прогресс поедал человеческое и живое».

Все эти истории объединяет назначение: они призваны обрисовать пустоту на месте дома, родины, семьи, увлечений, друзей и любви, которые у героини были, как у любого человека. Сейчас родительский дом в Караганде есть, но героиня туда никогда не вернется; родители живы, но далеки, а отношения в семье разладились еще в Германии; немецкие родственники остались чужими людьми; оксфордские друзья остаются друзьями — но за океаном. При ней остается лишь характер — «плохой, упрямый характер», однако его достаточно, чтобы остаться собой, утратив все остальное. Внешне же получается *сплав*, не имеющий в книге имени: «Молодая женщина (место рождения: Казахстан; национальность: немка; родной язык: русский; гражданство: Германия; место проживания: США, город Кембридж; род деятельности: докторант кафедры миротранспортного анализа...)».

Столь же неоднородный язык романа точно отражает образ героини: скуповатый стиль, напоминающий скорее об американских авторах, чем об отечественной классике, переходы на «академическую» речь (с набором интернациональной лексики), как бы неосознанно проскальзывающие английские слова. Брейнингер естественно сочетает все это, и неудивительно: она совершенно свободно здесь ориентируется. В «Журнальном зале» можно найти ее научные публикации в «НЛО» вперемешку с рассказами. Ее докторская диссертация посвящена Северному Кавказу, магистерская, защищенная в Оксфорде, носила название «Deconstructing National Identity: a case study of the Russian diaspora in contemporary Germany».

В одном интервью Ольга Брейнингер утверждает: «Одна из категорий, которая, как мне кажется, должна уйти в числе первых, — это „географическое“ мышление. Литература на русском языке рождается в самых разных точках мира, и где бы она ни создавалась, она должна быть вписана одновременно и в глобальное культурное пространство, и в локальные культурные контексты». Эта идея и реализуется в романе.

Многое здесь завязано на столкновении культур. Семья героини — из поволжских немцев, переселенных в Казахстан. Когда родители принимают решение эмигрировать в Германию, оказывается, что вся их семья — ненастоящие немцы. И начало ее собственной драмы лежит в отказе немецкого общества признать право на национальную принадлежность, а значит, на родину, на корни, питающие человека.

Национальность — это, с одной стороны, принадлежность к системе веками сложившихся правил и представлений о том, как нужно жить. Ограничивая, они в то же время поддерживают. С другой стороны, национальность — это общность, связывающая большое количество людей, не связанных другими вещами, и в то же время отделяющая их от других наций. «Человек мира» приемлем для всех и всех принимает, но ни с кем не связан кровно, близко. Логично, что американский *melting pot*² становится в итоге пристанищем девушки без родины и национальности — «Америка, где я почти никому не чужая». Это, как ни странно, и оказывается тем, что объединяет Советский Союз времен застоя и Штаты, вовлеченные в процесс глобализации.

В наш класс перевели девочку из Москвы, которая странно разговаривала: она называла чье-то имя и сразу — национальность.

¹ Ограничения (англ.).

² Плавильный котел (англ.).

— Мой друг Руслан, чеченец... — говорила она. Или: — Та девушка, Катя, она еврейка... — Или: — Ну, у них такая, знаешь, обычная русская семья.

Героиня, выросшая в союзном государстве, так и не поняла, почему люди придают такое значение этой «фишке», которая «вроде как делала всех разными».

Мы все ходили в одни и те же школы, готовили дома одни и те же блюда, так же ездили в Москву, мечтали о Европе и говорили на одном языке. Это и есть та самая «дружба народов», о которой пишут в учебниках, догадалась я, и впервые в жизни задумалась о том, что кто-то ведь должен был ее придумать и построить... История города ответила на часть моих вопросов, но некоторые вещи я так и не смогла понять: например, почему у нас дружба народов была, а у Кати из Москвы ее не было.

СССР был куда более масштабным экспериментом, чем тот, в котором участвует героиня. Возможно, именно он заметно помог процессам глобализации — внедряя равенство полов, примат познания и все ту же дружбу народов, нивелируя гендер и нацию. И некоторые факторы, формирующие личность, здесь изначально не действовали: «Матеас, — сказала я, — ты не задеваешь мои национальные чувства, у меня их нет». Тогда, казалось бы, почему пережитые трудности оказали настолько разрушительное воздействие?

Роман едва ли не в первую очередь — о невозможности счастья для человека, привыкшего ничего не иметь, в том числе и ограничений. Советский Союз — «которого уже никогда не будет» — не случайно фигурирует в названии: для героини это мир детства, нормальности, где были счастливые люди, но все это осталось в прошлом, и туда не вернуться. Другие страны оказались на него не похожи, но и там точно так же нельзя вернуться к традиционным ценностям, быть счастливым подобно чеченским женщинам, отказавшись от собственной личности. «Самая прямая дорога к счастью — это незнание, и эта же дорога — самая щедрая и надежная: идущие по ней проходят путь вместе, ограждая друг друга от лишних мыслей, от сомнений и хаоса». Но это дорога назад, и новое поколение по ней не пойдет.

Для него есть только безграничная, невыносимая свобода, счастье непосильной ответственности, отказ от человеческих потребностей, бесконечная усталость. А цель всего этого? Не деньги, не положение в обществе, не слава: всему этому благополучию противостоит «мир фанатиков с безумными глазами, которых пугала мысль остановиться хоть на секунду и которые точно знали, что добьются всего, чего захотят». И аддерол здесь является символом слабости обычного тела и мозга, с которыми не считаются, от которых требуют больше, чем возможно получить. Они лишь средство, инструмент, который можно «разогнать», «апгрейдить» (разумеется, последствия не заставят себя ждать). «Человек, его физическая оболочка не имеют значения, они лишь носители идеи. И это — все, что имеет значение. Для поддержания тонуса и социально уместного внешнего вида есть лекарства, косметика, индустрия моды и отбеливание зубов».

У романа, несомненно, есть недостатки. Уже отмечена критиками некоторая его незавершенность, разрозненность. «Эксперимент века», о котором мы почти ничего конкретного не узнаем, воспринимается как предлог для рассказывания, и предлог довольно сомнительный. Героиня порой страдает излишне красиво, да и вообще ее настоящее кажется слишком значительным для того, чтобы быть правдоподобным, и в то же время каким-то призрачным (что она, впрочем, ощущает сама). Но это в большой степени компенсируется напряжением, пронизывающим текст, от-

сутствием мелочности, страстностью и убежденностью интонации. В общем, и не в правдоподобии дело, а в желании высказаться и быть услышанным.

Надпись на обложке кое-что преувеличивает: это роман не всего поколения, а его авангарда. Самых умных, целеустремленных, успешных и несчастных. У них не остается времени и сил на частную жизнь, зато для них привычно выступать на общественном, научном и политическом поприще. «...Пока вы ищете нового общего врага, чтобы центрировать свою геополитику, разрешите объяснить, что ваш новый враг — это я и ваше новое оружие массового поражения — это тоже я».

Этот роман — протест против тех, кто творит такое с нашими душами, лишая их всякого тепла, оставляя лишь способность к разрушению. Но, с другой стороны, прогресс не остановить, и его делают не отдельные люди. Зато полученная сила, может быть, поможет повернуть его в нужное русло и обрести способность к новому, зрячему счастью.

Анна РЯЗАНОВА